

Феноменология Духа Гегеля. Возникновение сознания¹

Само слово «феноменология» означает, что речь пойдет об исследовании некоторых феноменов или явлений. Об этом Гегель и заявляет в самом начале раздела. *«Сознание составляет ступень рефлексии, или отношения духа, его развития как явления»*². Этим словам мы можем дать вид формулировки: сознание есть явление духа самому себе. В сознании дух или Я (здесь необходимо вспомнить слова Гегеля о том, что «если мы рассмотрим дух несколько ближе, то в качестве первого и простейшего определения его мы найдем, что он есть «я»»), являются сами по себе в своем собственном качестве, то есть качестве духа, чего не было на предшествующих стадиях духовного становления. Дух всегда оставался самим собой, иначе и быть не может, иначе он и не был бы духом, основой жизни, не встречался с собой в своем собственном качестве. Я не осознавало себя как особая реальность, растворяясь в ощущениях, привычках, телесности и т. д. Теперь, в сознании, эти предшествующие ступени духовного существования преодолены и дух является себе именно как дух, Я как именно Я.

И здесь мы видим, что наше до сих пор единичное «Я» (ведь сказать «Я» значит отделить себя от других, что очевиднее всего проявляется в «действительной душе» или «телесности») «само есть это различие себя от самого себя; ибо, как сама к себе относящаяся, его исключаящая единичность, она исключает себя из себя самой, т. е. из единичности, и благодаря этому полагает себя как некоторую с ней непосредственно сомкнутую противоположность себя самой, как всеобщность. Но существенное для «я» определение абстрактно-всеобщей единичности составляет его бытие. Я и мое бытие неразрывно связаны поэтому между собой; различие моего бытия от меня есть различие, которое не есть различие. Правда, с одной стороны, бытие как нечто абсолютно непосредственное, неопределенное, неразличенное должно быть отличаемо от мышления, отличающего себя от самого себя, и через снятие этого различия себя с самим собой опосредствующего мышления, — от «я»; тем не менее, с другой стороны, бытие тождественно с мышлением, ибо это последнее от всякого опосредствования возвращается к непосредственности, от всего своего саморазличения — к ничем не омраченному единству с самим собой. Поэтому «я» есть бытие или содержит последнее как момент в самом себе. Поскольку это бытие я полагаю как нечто другое по отношению ко мне и в то же время тождественное со мной, постольку я есть знание и обладаю абсолютной достоверностью моего бытия. Эта достоверность не должна быть рассматриваема, как это бывает при простом представлении, как некоторый род свойства «я», некоторое определение его природы, но ее следует понимать как природу самого «я»; ибо это последнее не может существовать, не различая себя от самого себя, и в этом, от него отличенном, не оставаясь в то же время у самого себя, — а это и означает как раз, что оно не может существовать, не имея знания о себе, не обладая достоверностью самого себя и не будучи таковой. Достоверность относится поэтому к «я» так же, как свобода к воле. Как достоверность составляет природу «я», так свобода составляет природу воли. Ближайшим образом, однако, достоверность можно сравнить только с субъективной свободой, с произволом; только объективная достоверность, истина, соответствует подлинной свободе воли»³. Задача этого, возможно, сложного для понимания отрывка на самом деле показать жизнь Я, в которой оно есть как нечто первоначально единое, но единое лишь «в себе», Я как таковое. Но как только я начинает узнавать самое себя, оно раздваивается на Я познающее и Я познаваемое. Поскольку же это есть одно и то же Я, то Я оказывается разделенным в себе самом, несхватываемым и непознаваемым тем самым непосредственно.

¹ Статья подготовлена для сайта «Гегель в России» в рамках проекта РГНФ «№ 12-03-12013 «Информационно-аналитический портал и гипертекстовая электронная библиотека «Гегель в России».

² Гегель Г.В.Ф. *Философия духа* С. 218.

³ Там же. С. 218—219.

Встает проблема единства Я, но это единство должно сохранить в себе возникшее разделение, так как оно существенно для Я как для именно Я. Кроме того, в отношении Я с собой вмешивается и внешняя предметность, природа, которая изначально положена как не-Я. Но не будь этих внешних предметов, само Я не смогло бы соотнестись с собой, то есть стать своим предметом, ибо к этому его провоцирует внешняя предметность природы. Как видим, здесь возникает сложнейшее переплетение духовной жизни. Но в сознании как таковом дух, тем не менее, не есть дух как таковой, а только *явление* духа. «Тождество духа с собой, как оно первоначально полагается как «я», есть только его абстрактная, формальная идеальность. В качестве души в форме субстанциальной всеобщности дух отнесен как субъективная рефлексия — в-самом-себе к этой субстанциальности как к чему-то отрицательному по отношению к нему, потустороннему и темному. Поэтому сознание, как отношение вообще, есть противоречие самостоятельности обеих этих сторон и того их тождества, в котором они сняты. Дух как «я» есть сущность, но поскольку реальность в сфере сущности положена как непосредственно сущая и в то же время как идеальная, постольку дух как сознание есть только явление духа»⁴. Виной здесь предыстория сознания, в которой мы встречаем действительно только абстрактное, формальное тождество духа с собой в нашем Я. То есть произноса местоимение «Я», мы всякий раз имеем в виду некое изначальное единство реальности, от имени которой произносится «я», единство меня самого как именно меня. Я в этой точке есть Я, равен самому себе. Так ведь всегда бывает, когда, остановимся на простых примерах, Я приписывает себе некоторое действие или рассказывает о впечатлениях. Скажем, «я видел интересный фильм» и «я собираюсь ехать в отпуск». Это намерение и воспоминание *именно меня*, а не кого-то другого, я здесь совпадаю с самим собой, равен самому себе. Однако это родство именно формальное и абстрактное, так как в нем я соотношусь с фильмом или планами на отпуск, но не с самим собой, я здесь не знаю себя, не знаю, что есть Я как духовная акциденция. Дух во мне тоже равен самому себе, но я совершенно не представляю себе еще всего отличия этого равенства, этого богатейшего содержания от простого и ничем не наполненного «я есть я», кажущегося мне вполне самим собой разумеющимся и выполняющего роль локомотива моих действий. Я собрался ехать в отпуск — что же здесь удивительного — и рассказывать друзьям надо о планах на отпуск, а не о себе самом, которого друзья и так знают как облупленного. Всё внимание в подобных случаях сосредоточено на действии, внешнем предмете, а не на том, кому оно приписывается.

Это, впрочем, совершенно справедливо, так как тождество моего Я в данном состоянии совершенно бедное тождество, хотя оно в чем-то и сродни тождеству самого духа. Я выступаю как будто бы уже от своего лица, но о себе самом как духовном существе ещё ничего не знаю. Содержательная сторона моего Я до сих пор была представлена только в форме души, в которой собственно Я, как мы помним по «Антропологии духа», не выявлено. Конечно, о своём характере, возрасте, темпераменте я имею представления. Но эти качества в духовном смысле всё же не раскрывают Я, хотя и представляют собой определённые ступени его движения к себе. Поэтому между чистым, но абстрактным Я с одной стороны, и Я «темным», душевным возникает противоречие, разрешение которого, по Гегелю, и есть *сознание*.

Конечной целью сознания оказывается уже не *феномен*, а *понятие*, в котором устраняется всякая чуждость (отстранение) и непонятность явления. Понятие есть *торжество духа*, в нем дух встречается с собой во всей своей полноте и открытости. Он есть уже в себе и для себя сущий дух. Но для достижения этого состояния духу следует еще выйти за пределы своей субъективности как таковой, а в дальнейшем даже и за пределы чистой объективности. Но сейчас мы еще находимся в пределах субъективной формы духа на стадии сознания, которое рассматривается Гегелем в главе «Сознание как таковое». В сознании как явлении мир воспринимается также как некое множество явлений. Преимущественно это обстоятельство заявляет о себе на первой ступени сознания как такового — в *чувственном сознании*. Заметим, что в сравнении с антропологической формой субъективного духа речь здесь идет уже не о чувстве как таковом, с которым наше Я слито до неразличимости. Скажем, мое состояние описывается не выражением «мне весело», а просто «весело», и, более того, поскольку в слове «весело» мое состояние как-то квалифицируется и тем самым это уже не чувство как таковое, а описание, пусть даже очень простое, чувства, то все слова должны быть вовсе устранены. Есть исключительно факт некоего переживания, от которого я не бегу, а, напротив, желаю его prolongation. Хочу, чтобы и дальше было «вот так». В сознании же ко всякому моему состоянию

⁴ Там же. С. 221.

прибавляется отношение Я к чему-то происходящему со мной. Этим здесь постоянно свидетельствуется присутствие духа, единство Я в отношении «моего не-Я». Так, наверное, можно назвать явление.

Гегель пишет здесь, что «сознание, как отношение, содержит в себе лишь те категории, которые принадлежат абстрактному «я», или формальному мышлению; они для него суть определения объекта (§ 415). Чувственное сознание знает поэтому этот объект только как сущее, как нечто, как существующую вещь, как единичное и т. д. По содержанию оно является самым богатым, но по мыслям оно самое бедное. Его богатое наполнение составляют определения чувства; они представляют собой материал сознания (§ 414), субстанциальное и качественное, то, что в антропологической сфере есть душа и что она находит в себе. Рефлексия души в себя, «я», отделяет от себя этот материал и прежде всего дает ему определение бытия»⁵. Итак, как ранее в пределах антропологии я непосредственно переживал в себе нечто, не будучи еще по существу Я, так теперь и в пределах феноменологии Я соотношусь с чем-то «вот этим», какой-то реальностью вне меня, и благодаря этому являюсь сам себе в акте такого соотношения.

Отсюда понятно, что в фазе чувственного сознания возможна лишь встреча с единичными объектами, которые друг за другом появляются и исчезают из поля сознания. Никакие обобщения здесь невозможны, так как чувство способно фиксировать только «вот это», наличие неопределённого предмета. Для того чтобы в сознании появился момент истины, оно должно подняться над чистой чувственностью, стать уже не только *чувственным*, но и *воспринимающим* сознанием. Между *чувством* и восприятием тем самым обнаруживается значительная смысловая дистанция. Гегель выделяет восприятие именно как следующую, более высокую ступень развития сознания. «Сознание, вышедшее за пределы чувственности, стремится воспринять предмет в его истине не только как непосредственный, но и как опосредствованный, рефлексированный в себя и всеобщий. Этот предмет представляет собой поэтому соединение чувственных и расширенных мыслительных определений конкретных отношений и связей. Тем самым тождество сознания с предметом не есть уже только абстрактное тождество достоверности, но тождество определенное, — знание»⁶. И далее: «в то время как чисто чувственное сознание только предъявляет нам вещи, т. о. показывает их нам лишь в их непосредственности, восприятие, напротив, постигает связь вещей — делает очевидным то, что если данные обстоятельства имеются налицо, то вот что отсюда следует, и, таким образом, начинает раскрывать перед нами вещи как истинные»⁷.

Итак, если в ощущении мне дается вещь, то в восприятии уже связь вещей, то есть нечто всеобщее. Благодаря восприятию мир в явлении становится для меня связанным миром, в то время как в ощущениях — мы знаем это еще по антропологической части «Философии Духа» — мир дан нам как хаотический поток. Правда, тогда это был «мой мир», мой в смысле неразличения меня и мира, нашего неопосредованного ничем единства с ним, теперь же в феноменологическом рассмотрении он для меня уже *мир внешний*. Можно сказать, что поскольку сознание есть явление духа или дух как явление, то явление ощущения сменяется явлением восприятия. Чем-то мне еще только данным, но неразвернутым, не осмысленным, не «возведенным в ранг сущности».

Но поскольку в сознании устанавливается некая связь *этого с другим*, снимается изолированность наших впечатлений, то здесь истина уже как бы «пробрезживает», так как в отношении предмета ставится вопрос «Что это такое?». Здесь содержится отсылка к некоему понятию, в котором содержится ответ на вопрос о смысле, существе *вот этого*, поэтому оно имеет всеобщий, а не единичный характер, я объединяет в себе многие «эти», простые данности, многие ощущения. В восприятии такого рода обобщения еще не доведены до уровня понятия, поэтому возможны ошибки, смешение общего с единичным. «2) Если сущность вещей становится предметом сознания, то это уже более не чувственное, но воспринимающее сознание. На этой стадии единичные вещи ставятся в отношение ко всеобщему, — но именно только ставятся в отношение; здесь поэтому не осуществляется еще никакого истинного единства единичного и всеобщего, но лишь смешение обеих этих сторон»⁸. Проиллюстрировать данную стадию сознания можно, отправляясь от примера, который Гегель приводит в дальнейшем по поводу уже следующей фазы сознания, рассудка. Речь пойдет о преступлении и

⁵ Там же. С. 225.

⁶ Там же. С. 228.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия духа. С. 229.

⁸ Там же. С. 226.

наказании. Человек, совершающий преступление, то есть четко осознающий само действие, которое он совершает, скажем, насильственный отъем денег, может, тем не менее, не осознавать, что именно он делает — смысла (всеобщего понятия) совершаемого действия. Ему может казаться, что содеянное приведет его к безбедной, а может быть, даже счастливой жизни, разрешит какую-то коллизию его существования, например, снимет ощущение собственного ничтожества, возникающее вследствие финансовой несостоятельности.

Но в нормальной системе человеческих отношений последствия его поступка будут расценены совершенно иным образом, что на самом деле еще более усугубит его положение. Он станет теперь уже не просто бедным или неудачливым человеком, но изгоем, преступником. Конечно же, вновь вспоминается роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». Здесь разворачивается подлинная феноменология души Родиона Раскольникова. Будучи неким полуживотным, а достаточно образованным и психически здоровым человеком, он прежде, чем совершить преступление, строит его «идеологию», не сводящуюся только к тому, что ему нужны деньги, но содержащую, на его взгляд, едва ли не этическое оправдание, именно момент всеобщего смысла: установление подлинной справедливости, когда жизненный ресурс переходит от ничтожества (старухи-процентщицы), действительно, какого-то гадкого полуживотного-получеловека, к настоящему, достойному человеку, который использует деньги во благо себя и других достойных людей.

Содеянное оборачивается чем-то совершенно противоположным. Ожидания ни в чем не соответствуют действительности. Никакого выстраивания новой жизни не происходит. Напротив, жизнь оказывается совершенно за пределами того, что может быть названо достоинством или разумной устойчивостью. В результате, выражаясь гегелевским языком, смешения единичного со всеобщим она становится сплошным кошмаром, хаотическим потоком каких-то жутких впечатлений, неожиданных и нежелательных встреч, непредполагаемых и неоправданных действий и т. д. Вроде бы Раскольников руководствовался соображениями здравого рассудка, сколь бы жестко, с точки зрения обычных моральных представлений, они ни выглядели. Но «Философия духа» Гегеля свидетельствует, что действовал Раскольников не просто морально неприемлемо, но и безрассудно, ибо рассудок суть метафизическая реальность, особый феномен сознания, который возвышает сознание над неустойчивостью и смешанным характером *восприятия* и продвигает нас на очередной шаг к истине. «Поскольку, однако, сознание от наблюдения непосредственной единичности и от смешения единичного и всеобщего возвышается до постижения внутренней сути. предмета и, следовательно, определяет предмет таким же способом, как и «я», постольку оно становится рассудочным сознанием. Лишь в этом, только что упомянутом нечувственном внутреннем рассудок рассчитывает постигнуть истинное»⁹.

Здесь становится ясно, что наш Родион Романович Раскольников, несмотря на все свои, казалось бы, интеллектуальные достоинства, живёт вовсе не в сфере истинного интеллекта. Рассудок выполняет у него вообще совершенно формальную и даже иллюзорную функцию. Он даёт мнимо рассудочное основание безрассудным на деле вещам. По существу же сознание героя всем известного романа Ф.М.Достоевского находится на гораздо более низком ментальном уровне. В терминологии Гегеля — это не более, чем *воспринимающее* сознание, ещё только на ощупь и вне настоящих смыслов способное устанавливать связи между явлениями.

Если продолжать ссылки на приведённый ранее пример, то здесь ясно видно, что рассудок действительно есть не столь простая и доступная вещь. Можно жить очень насыщенно, более того, насыщенность и разнообразие жизни может возрастать вместе с ростом степени ее безрассудства, ведь смешение всегда содержит в себе больше, нежели рассудочно селекционированная цепочка жизненных впечатлений. Закон всегда беднее беззакония, ибо в беззаконии возможно все, а под законом только вполне определенные вещи. Но по смыслу, с точки зрения приближения к истине, закон как раз богаче, так как он отбирает, селекционирует именно необходимые с точки зрения блага и истинные связи вещей. «Ибо сущность закона, — все равно, относится ли этот последний к внешней природе или к нравственному миропорядку, — состоит в неразрывном единстве, в необходимой внутренней связи различных определений. Так, закон с необходимостью связывает с преступлением наказание; преступнику это последнее может, правда, казаться чем-то ему чуждым; однако в понятии преступления по самому существу подразумевается уже его противоположность — наказание. Законы суть

⁹ Там же. С. 231.

определения рассудка, внутренне присущего самому миру; поэтому рассудочное сознание находит в них свою же собственную природу и тем самым становится предметным для самого себя»¹⁰.

У Гегеля рассудок понятие *онтологическое*, поскольку Я живет в рассудке уже устойчивым образом, обретает в нем свое бытие, определенность через различение внутри самого себя, и устойчивое различие. Для пребывающего в рассудочном сознании Я наказание уже не неожиданность, вдруг обнаружившаяся после совершения того же преступного действия. Потому и само преступное действие уже с самого начала выглядит в рассудочном сознании иначе, оно уже с самого начала, а не только по результатам есть *преступление* со всеми юридическими и моральными следствиями, из понятия преступления вытекающими.

В рассудке впервые возникает понимание сути происходящего, и в этом *понимании* обнаруживается единство самого Я, ибо оно оказывается уже способным удерживать в себе противоположные моменты. Понимание создает понимающего. Правда, собственно в рассудке возникает скорее основа для подобного свершения внутри Я. Рассудок дает различие и тем самым связь, указывает на внутреннюю жизнь предмета, в отношении которого он формулирует законы. Но эти законы все же слишком категоричны, односторонни, «плоскостны», у них еще нет настоящего объекта. В законе не наблюдается того поразительного сочетания «да» и «нет», которым характеризуется реальная жизнь. Все это не отменяет «законности» закона в рассудочной онтологии, но у души еще есть перспектива дальнейшего духовного движения. Истина все же не в законе, хотя закон истинен. «Законник» еще не человек как таковой, и Гегель вводит в подглавку «Рассудок» понятие *живого существа* как носителя особой фазы сознания.

Для живого существа значим не только факт определения вещи, данный в законе, но и сам акт возникновения такого определения. «В живом существе, напротив, сознание созерцает процесс самого полагания и снятия различных определений, воспринимает, что различие не есть различие, т. е. что оно не есть различие абсолютно прочное»¹¹. Итак, непреложность этого различия обнаруживается прежде всего в том, что различает наше единое Я, которое в то же время не столь уж едино, ибо, допуская различия в другом, признает их и в себе. То есть Я не *абстрактное*, как любит говорить Гегель, застывшее единство, а *конкретное*, наполненное многообразным содержанием, перетекающим, переходящим из одного момента в другой, но в то же время не хаотическое смешение, а именно единство, связь, закон. В осознании этого факта сознание становится самосознанием, ибо центрирует жизнь уже не во внешних ее формах, а в себе самом. «Коротко говоря, жизнь должна быть понята как самоцель, как цель, которая в себе самой имеет свое средство, как тотальность, в которой каждое звено, отличное от другого, есть одновременно и цель, и средство. На основе сознания этого диалектического, этого живого единства различного воспламеняется поэтому самосознание — сознание для себя самого предметного, следовательно, в себе самом различного простого идеального — знание об истине природного, о «я»»¹². Так осуществляется переход к следующей теме: *Самосознание*.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Там же. С. 232.

¹² Гегель Г.В.Ф. Философия духа. С. 233.